

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 94(47).084.3

The House Was More Than Just the Place We Lived in': Living Space Development by the Participants of the Great Patriotic War*

Tatyana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The paper studies the experience of living space development by the participants of the Great Patriotic War, marks the most typical ways of settling into different lodgments, both temporal and permanent. The interior morphology of different types of lodging organization, its length, amount of residents, opportunities for privacy. The article stresses that the living space in recollections by the participants of the Great Patriotic War has two sides – place, where a man used to live before the war and place, which was his/her asylum in wartime. Almost all the analyzed recollections consider war as the defining moment, which worsened housing conditions of the population and significantly increased their pre-war status.

Keywords: the Great Patriotic War; oral testimony; housing policy; living space; lodging; respondents.

Введение. Восприятие жилищной политики исключительно как деятельности государства по обеспечению жильем своих граждан и поддержанию его в надлежащем состоянии едва ли способно прояснить всю сложность взаимоотношений советского человека с местом, ставшим для него домом. В отличие от нынешнего поколения россиян, для которых дом – это, прежде всего, пространство частной жизни, оплаченное ценой исключительно собственных заслуг и усилий, военное поколение видело его результатом взаимодействия более широкого набора факторов и обстоятельств, среди которых удобства занимали далеко не первое место.

Методы и материалы. В воспоминаниях свидетелей и непосредственных участников событий того времени, дом, как место, где человек живет если и не постоянно, то подолгу, предстает в двух основных образах – места, где он жил до войны, и места, которое стало для него убежищем во время войны. Практически во всех свидетельствах, которые нам удалось собрать, война выступает тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшает жилищные условия населения, но и значительно повышает их довоенный статус. О довоенном жилье вспоминается с душевной теплотой и каким-то особенным чувством непоправимой утраты: «Ох, уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941 – 1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в сторонке, сложенная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне» [1]. Чувством, овеянным по-настоящему счастливым, хотя и трудным детством, запомнившимся замечательным домом, «новым и красивым, с кухней, столовой, залой и спальней, расположенными очень удобно» [2]. У каждого из таких домов была своя очень подробная топография и обязательная отличительная особенность: «И [улицу] Седова, наверно знаете, это вниз туда, к Дону, а это между Чехова и Седова буквально один проулок. Эта улица была – в основном, тоже двухэтажные дома и стояло, по-моему, три или четыре дома двухэтажные, с мансардой – это уже считались трехэтажные кирпичные дома. Вот, в одном из таких домов мы [жили]» [3].

Обсуждения и результаты. Первый образ отождествлялся с квартирой и собственным домом. Эпитет «собственный» в данном случае означал принадлежность семье, оказавшуюся результатом его постройки: «[Дом] большой, дедушка строил его в 1914 г., потому что семья была большая, у него было 10 душ детей» [4]; «Да, отец еще перед самой войной [построил]... Он коммунист, начальник кузнечного цеха» [5]; покупки: «Да, они купили домик такой небольшой. Сначала жили на квартире, а потом купили маленький домик, пополам. Соседи у нас были евреи, и они вот полдомика себе взяли, две комнатки, и две нам. Дом пополам» [6]. Зачастую функциями дома наделялось место рождения человека: «Моя коренная квартира – это Московская № 7, этот дом и сейчас стоит. Только тогда это был конец улицы, глухой тупичок, а сейчас это площадь и на возвышении стоит двухэтажный дом. Это мой отчий дом» [7].

При этом нередко появление в семье дома связывалось с ее численным увеличением и невозможностью жить сообща: «Значит, так, у этого моего деда Михаила, который женился на этой бабке, владелице, откуда он я не знаю, было три дочери – это мои тетки. Первая – это старшая, моя мать Нина, вторая Зина, третья Оля. Почему три? Значит, дед все хотел мальчика, ну чтобы был наследник. А вот знаете, как судьба или Бог там посмеивается и делает наоборот. И потом, значит, что произошло. Во время Первой мировой войны было много беспризорников, сирот и он подобрал какого-то мальчишку, чем-то он ему понравился, ну уже такой, лет 10 [или] чуть больше, и усыновил его. Это был Василий, фамилия у него была Черкасов. Вот это у нас был четвертый, дядя мой, но уже не родной, а усыновленный. И дед все хотел, значит это, собственно, он так решил эту проблему. Там еще были нюансы, но это уже с трагедиями связано. Поумирали эти старики очень рано. Я их обоих не помню по материнской линии. В 1933 г. я родился, у меня память хорошая. Помню, как мы еще жили в каком-то флигелечке во дворе, наша семья, потому что тот дом родительский две сестры Зина и Ольга заняли. Они повыходили замуж, имели по одному ребенку. А моя мать, значит, она вышла за Агаркова Константина и почему-то жили уже там, не было места и во дворе флигелечек, сарай, приспособленный под жилье. Вот это я прекрасно помню. И потом мои родители построили дом такой добротный с выходом уже на улицу, и вот уже войну мы, собственно, пережили в этом доме» [8].

Обитатели собственных домов, жилая площадь которых зачастую ограничивалась «комнаткой и кухней в 18 м», находили возможность размещаться в них по 4–7 чел., не испытывая каких-либо серьезных затруднений. Михаил Иванович Емельянов, встретивший войну 12-летним подростком, рассказывал, что после ухода отца на фронт в доме остались «мать и нас четверо – пять, тетка шестая, вот. Дядька немного побыл, седьмой был, вот семь человек нас было». Пространство делили по-родственному, стараясь учитывать «кто, где уместиться»: «Там печка была и вот так вот, ну, маленький залик такой и спальня одна, вот так, а здесь, где печка еще, кровать стояла, мать там была, и Володя у меня брат был 1939 г., она с ним тут спала. А Клава, сестра моя, а мы с братом тоже вместе спали, вот так. А дядька с тетей в этой, ну так, разделенная она была, эта узкая была, вот такая вот, мы с братом спали, потом здесь мать. Бывало такое, что и в коридоре мы с братом спали, а Клава, сестра, тут находилась. Ну, так как-то, не знаю, там печка еще вон. Дядька печник сам был, печку здоровую сделал, на печке спали, будто бы как русская печка называлась» [9]. Об отдельной комнате или хорошей квартире Михаил Иванович тогда даже не мечтал («какие мечты в то время!»), а на вопрос о том, не смущали ли теснота при таком обилии народа, ответил неожиданно: «Жили так вот, да, а потом дядьку забрали тоже на фронт, в стройбат его, по

строительству забрали. Ну, дядька пришел, а отец нет. Ну, дядька уже заболел, больным был, пришел, его комиссовали, еле живой. Он долго не прожил, тоже умер. Вот так, а отец погиб, и концов не нашли. Как-то мы с сестрой ездили туда, искали, там стоит такой большой [памятник], там надписей много, кто погиб. После войны, это ж 70 км Таганрог отсюда, мы ездили – ничего, фамилии нет нашего отца. Ну, как нам это рассказывал лейтенант, он говорит: “Там так рвануло, этот дзот, все разворотило” [10].

О квартирах вспоминали более сдержанно, что, вероятнее всего, объяснялось пониманием условности обладания ими: «У нас там двухкомнатная была, по-моему, такая, я вспоминаю... Не знаю. Помню, что мы уехали, бросили это и все» [11]. За исключением тех случаев, когда они осознавались социальным благом: «Да, для тех времен, когда был большой квартирный кризис, это было очень большое благо, была прекрасная квартира, две комнаты такие большие квадратные с паркетными полами, отдельная кухня, изолированная. Квартира была прекрасная и даже после войны, когда отца не было, мы с мамой вдвоем остались, и жизнь была тяжелая, наличие хорошей квартиры, это как-то скрашивало материальный уровень людей. Хорошая была очень квартира» [12].

Первой квартирой Алексея Федоровича Акимова стала комната на две семьи, полученная его матерью от фабрики, где она работала: «А при фабрике были корпуса для рабочих, корпуса такие [с коридорной системой]... Вот эти самые каморки – 11 м длина, 4 м ширина. Вот такие большие каморки, по две семьи в каморке. Нас трое и соседей трое. То же самое: женщина, муж ее где-то, не знаю подробностей, у нее тоже было двое детей, и у моей матери нас было двое. Вот, 6 чел. – мы в этой коморке жили. Это Ярославская большая мануфактура, славилась она. Этот купец, Корзинкин – сам он жил в Париже, на фабрике был управляющий. Вот и мы там жили». В 1935 г. он женился и два года прожил с родителями жены «в хорошей изолированной квартире»: «Трехэтажный дом, фабричный. Попав туда, поселились многосемейные, они тоже в каморках жили, родители, и им дали квартиру. Вот, они поселились в этой самой квартире, и я с ними пожил два месяца [до призыва в армию]». Перед войной жена получила от Ярославского шинного завода, где работала в лаборатории, отдельную комнату в квартире гостиничного, «там два туалета было, ванна была, все удобства были». К этому времени в семье уже подрастало двое маленьких детей, но тесноты не чувствовалось и комнату не делили: «Да нет, ну, что они – маленькие детки». По окончании войны с семьей и матерью оказался в Ростове-на-Дону, где «сняли комнату на Ростов-горе – комнатку проходную, малюсенькую, и что-то очень дорого платили за нее». Через несколько месяцев, жена решила записаться на прием к начальнику тыла Северо-Кавказского военного округа и рассказать в каких условиях живет семья. В результате получили возможность выбрать номер в гостинице: «Вот эта гостиница “Ростов” – она была вся разграблена, там не было ни воды, ни электричества, ни отопления, ни канализации, ничего в гостинице не было. А наш номерок вроде люксовский был, даже окно заделали кирпичом! Вот такую маленькую [дыру] оставили, чтобы свет шел с улицы. И мы в этой гостинице в зиму остались, без отопления, без воды. Страшно было! Город был разбит, ой, ужас что! В 1946 г. Ростов – это страшное дело было, понимаете? И вот мы, наверно, с год прожили в гостинице “Ростов”, в этой разграбленной. Ну, паек был, в штабе округа получали паек, более или менее ничего. Ну, жена кое-что где-то там тоже промышляла» [13].

При этом жилое пространство и в том и в другом случаях не сводилось к сухому перечислению его составляющих, а являлось неотделимым от его обитателей: «Значит, это двухэтажный дом и четыре квартиры из них три коммуналки и одна бывшая дворницкая. Значит, в одной квартире осталась одна женщина, такая хиленькая, ее и немцы не забирали на работы, и с ребеночком, годика три. В другой квартире не осталось никого. На первом этаже осталась мамина подруга, бывшая дворянка, такая» [14]. «На Никольской был дом наш, я маленькая была. Такой колоссальный дом, большой частный, газон великолепный и пес, маленький, пушистый такой, шпиг. У меня отметка, я маленькая была, что-то поползла, а он меня хватать за щеку» [15].

В ряде воспоминаний дом как таковой ассоциировался с более широким географическим понятием населенного пункта или учреждения, его заменившего: «Когда мне исполнился один год, то есть в 1924 году, отец и мать переехали в местечко Черя Витебской области, преимущественно еврейское по населению и образу жизни... Местечко

располагалось в живописном месте: кругом замечательные леса, полные ягод, грибов и орехов, на окраине – большое озеро (примерно три километра в длину и шириной с километр). Встречаются гористые места. Очень много зелени и садов»[16]. «Я остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыш против них. А потом в 1925 году советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот, нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали. Николаевка была в Одесской области... Я побыл там 5 лет»[17].

Практически ни один из респондентов не остановился на описании внутреннего убранства дома, за исключением тех немногих случаев, когда какая-то деталь интерьера не запечатлевалась в памяти на долгие годы: «Значит, вот как зайдешь, как и положено, в правом углу, от потолка и вот внизу вот такой треугольный столик – это были иконы»[18]. «Ну это, как – купцовый или как, богатых короче [дом]. Тут все переделали, тут все зеркальное было, круги кругом были в этом доме»[19]. Вероятнее всего, аскетизм и неприхотливость советского быта, вызванные целенаправленным идеологическим воздействием и крайне низким уровнем жизни пореволюционного времени, не располагали к такого рода воспоминаниям. Хотя две собеседницы, чье социальное происхождение еще 10–15 лет тому назад было бы определено категориями «бывшие» и «из интеллигентского сословия», детально обрисовали некогда занимаемые их семьями жилые пространства «вот с такими стенами в восемь кирпичей, с парадным входом... а для прислуги был [вход], не железная лестница, как в обычных купеческих дворах парадная, но уже с деревянной лестницей и две комнаты, ведущие из этой парадной для прислуги комната, там кухарка, прачка, вот такое вот. А между основной квартирой была лестница, которая спускалась ниже. Между лестницей была большая ванная и только после этого ход туда в ту половину» [20]. «Мы меняли нашу московскую квартиру, девятиметровую такую комнатку в коммуналке, а поменяли на коммуналку здесь, но шикарную... Это известный памятник конструктивизма, его сейчас изуродовали. Там было так, типа в нашей квартире: две комнаты смежные и одна совершенно изолированная. Вот заселяли обычно две семьи. Вот смежные комнаты, это какая-то большая семья, ну вот, например, по тогдашним временам нас там жило четыре человека, считалось, что у нас хоромы» [21].

Показательно, что обе они впоследствии неоднократно возвращались к событиям того времени, что нашло отражение в ряде газетных интервью одной из них [22] и нескольких книгах другой [23]. Именно книги, чьими главными действующими лицами стали «или ближайшие родственники, или друзья, или сослуживцы», а некая «присочиненность» послужила основанием для автора отнести их к жанру «повестей и рассказов» [24], передают особенности освоения жилого пространства людьми различного уровня достатка и разного отношения к быту. Так, описывая квартиру родителей своей детской приятельницы Милочки Уманской, «хорошенькой кудрявой девочки», И.Н. Калабухова отмечает, что воспринималась она «как нечто предназначенное для созерцания и изучения, а не для жизни. Необыкновенен был пол – он состоял из дощечек разного оттенка, уложенных елочкой. Темно-красные портьеры на окнах прихвачены медными кольцами. В спальне висел тоже темно-красный, очень мягкий на ощупь ковер. Но самой удивительной казалась большая картина в столовой» [25]. Не меньшее удивление вызывал и довоенный дом еще одной ее маленькой приятельницы Ляли Равикович, у каждого из обитателей которого имелся не просто свой уголок, но и целая отдельная комната: «У тети Жени в ее крохотной комнатке стоял маленький хрупкий столик, покрытый зеленым сукном, кое-где укапанный чернилами. На нем – маленькая настольная лампочка с зеленым же шелковым абажуром в виде колокольчика на медной, согнутой, как стебель, ножке... Еще стояла тут покрытая куском синего, слегка потертого бархата ручная швейная машинка, узкий черный шкаф с платьями тети Жени и Веры Исаевны и маленькая, чуть не с сундук длиной, кушеточка. В Валюшиной комнате меня поражал сам факт существования письменного стола, предназначенного для девочки-школьницы» [26]. Наличие этой отдельности, создававшей возможности уединения и некоторой внутрисемейной автономии, являлось по тем временам большой редкостью. Редкостью, оттеняемой жизнью напоказ, которая зачастую просто не замечалась и воспринималась «нулевой степенью письма»: «Две наши довольно большие по тем временам комнаты были не только общие, но как-то всеобщие. Речи не

было не только о том, чтобы их как-то разделить между нами, как это сделали Равиковичи, – ни у кого не было даже своего уголка, зоны действия, сферы существования, все вершилось на виду у всех, и всех это устраивало. Теперь-то я думаю, что не устраивало мою еще молодую мать, которой бы хотелось иметь личную жизнь, но в нашей спартанской семье это никому не приходило в голову» [27].

Невосприимчивость к отсутствию собственного жилого пространства, «заветного уголка» не в последнюю очередь обуславливалось и жизнью большими семьями, которая оборачивалась не только скандалами, но и шумными, запоминающимися праздниками: «... там у нас в доме было четыре комнаты: две маленьких, как бы считалось спальни. До войны ту дальнюю, что выходила на улицу, там отец с матерью ночевали, а мы с сестрой, ну да, собственно, мы жили во второй спальне, но еще была у нас бабушка, отца мать. Она, значит, я даже и не помню, она-то у нас ночевала, то ее куда-то выселяли в кухню там. Вы знаете, очень так было отношение сыновей, причем у нее было три сына, и у старшего Кости, она, собственно, и жила. И всегда происходили скандалы между вот этими братьями, что мать, значит, вот. Отец поднимал вопрос: почему мать у меня все время живет? А те, значит, такие были, что вроде тесно, в общем, наводили всякие доводы. И я помню, что когда были какие-то праздники большие, ну там советские или церковные, собиралась вся родня. И застолье было такое, по-русски, с крепкой выпивкой, знаете? И, вот, помню, как я еще маленький, ложился спать во время, там в 9–10 часов вечера, а потом от какого-то шума я проснулся. И я из своей комнаты смотрел, как в той комнате дерутся все» [28].

Вместе с тем, в ряде воспоминаний встречаются упоминания о перегородках, ширмах, «каких-то немислимых закутках», посредством которых мир взрослых хотя бы на время отгораживался от мира беспокойного детства, также требовавшего своего неподконтрольного существования. Нередко оно достигалось совершенно неожиданным образом путем наличной планировки жилья: «Папина была комната с мамой и наша, а посередине была кухня» [29], его перестройки: «Позже, в 1938 году, к нему (дому – Авт.) добавили крыльцо и пристройку, впоследствии сыгравшую положительную роль в приобретении мной независимости» [30], либо же переселением в другую квартиру: «...мы переселились из маленькой квартиры в большую, в этом же доме, отец хотел три комнаты потому, что я вырастала. Был совершенно потрясающий человек, управляющий домами, это политкаторжанин, это ленинцы, которые на каторге были, совершенно не обыкновенное поколение. И он, конечно же, был болен туберкулезом как они тогда, без всяких взяток, без всего и когда появилась квартира гораздо больше, чем наша маленькая двух комнатная, он привел отца, и мы переселились» [31]. Лидия Владимировна Ямщикова, вспоминая опыт проживания в разных домах, в этой связи отмечала: «Это были 4-этажные дома, вот такого кирпичного типа. <...> У нас одна комната была, несмотря на то, что нас было 5 человек. Вот, мы жили в одной этой комнате, правда, большой... Очень просто [размещались], стояла у нас перегородочка такая. Да, вот, знаете, раздвижные раньше были? Там медведи, три мишки нарисованы, дерево, вот это я все хорошо помню. Вот наша половина была вот так отгорожена к окну, а у них была у дверей комната» [32].

Жилое пространство рассматриваемого периода времени различалось не только своей протяженностью, но и внутренним убранством. Привычная довоенная простота и предельная функциональность вещей перемежалась со стремлением к уюту и одомашниванию пространства посредством «бытовых мелочей»: «Теперь, по пришествии многих лет, я понимаю, чем беден был мой родной дом, чего так не хватало в нем моему детскому существу, так не хватает растущему организму кальция, и чем так всегда спешила я наглотаться в доме Равиковичей. У нас в квартире не было ничего лишнего, ничего бесполезного, а именно бесполезное, лишнее придает бытию оттенок неповторимости, индивидуальности, является теми минеральными солями, которые создают вкус питьевой воды... Впрочем, было и в нашем доме несколько красивых вещей. Но тогда я их прелести не понимала – как не понимала неуместности кухонной мебели в красном углу – не ценила. Попали же они к нам не за свою красоту, а скорее всего, случайно, и сохранились потому, что у них было вполне конкретное назначение» [33].

При этом дом представлялся не только конкретно локализованным местом проживания с разной степенью бытовой комфортности, но и атрибутом материального достатка, а также социального статуса: «Строили дома, они были примитивные, что такое

саманные дома, Вы знаете. Или планкованный дом – это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома – это была редкость, это были только богачи, местные богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 году построил мой дед, в котором я и родилась» [34]. Редко, но, тем не менее, отмечались и условия проживания: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а, напротив, был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас, ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего» [35]. Следует отметить, что ситуация отсутствия необходимых с точки зрения нашего современника удобств каких-либо раздражающих комментариев у собеседников не вызывала.

Ценность довоенного дома определялась как восприятием его в качестве места рождения, «семейного гнезда», «родительской вотчины», так и невосполнимой утратой, подчеркиваемой неприглядностью сменяемых с калейдоскопической быстротой временных пристанищ периода эвакуации: «[У кого остановились в Махачкале?]. На улице, сидели, как цыгане табором. Там собрались людей тысячи» [36]. «Приехали мы в Баку, в надежде, что мы все-таки вернемся, и над Баку начали летать самолеты. И тут уже холода, октябрь месяц. И там мы уже сидели, я Вам скажу, я не знаю, как назывались эти хатки, глиняные хатки, там, значит, на зиму загоняли овец. Потому что днем тепло было, а вечером холодно, и вот мы в этих хатках» [37]. «Мы жили в той части Ташкента, она называется Бесагач, это тогда был дальний район. Там была тоже обувная фабрика, и было общежитие, двухэтажное здание, нам подготовили комнаты. Комната была примерно, как детский класс в школе. Топчаны свежие сделали нам, было у нас, на чем спать, и в нашей комнате жило 19 человек из приехавших» [38]. При этом плотность жилого пространства вовсе не исключала возможностей его личного обустройства и частного освоения: «...каждый в комнате занимал свой угол. Скажем два топчана – это наш угол, еще чей-то угол, еще чей-то» [39].

При этом многие респонденты сохранили воспоминания о жизни в «вынужденной ссылке» (эвакуации) как об относительно «нормальной и даже в чем-то хорошей жизни»: «Запомнилось мне, как мы работаем в колхозе. Хлеб там такой был вкусный. Они его пекли на капустных листьях. И это же хлеб был натуральный, т.е. пусть его было мало, но это ж перемололи муку и сделали хлеб, не то, что сейчас, потому что сейчас вообще я не знаю, что это, хлеб или что. Значит, очень вкусный был хлеб, мне запомнилось. Мне запомнились несчастные эти эвакуированные, которые вот какие-то такие беспомощные были. Ну, мама моя вот шила, мы там, в колхозе что-то там крутились в школе, что-то там, в общем, я ж говорю, спектакли устраивали. Мы “Бориса Годунова” ставили в школе...» [40]. Эта нормальность во многом оказалась связанной и с теми конкретными людьми, с которыми приходилось жить «под одной крышей»: «Очень теплые у меня остались воспоминания о казахах. И знаете, в какой-то мере это, как бы я считаю своей второй родиной. И когда потом у моих соседей заговорили что-то плохое о казахах, мне это очень, я вообще не люблю такие разговоры, у меня о них очень теплые воспоминания» [41].

В годы войны появились и были освоены новые типы жилья: блиндажи, противотанковые рвы, палатки. Е.С. Тюкина, сбежавшая на фронт и попавшая в санэпидемотряд, после благоустроенной воронежской квартиры оказалась в армейской палатке. Спустя семь десятилетий о жизни в ней она вспоминала как о чем-то привычном и даже уютном: «...там у нас были такие надувные матрасы... Мы печку топили. Таковую, буржуйку – зимой, когда надо было, а так, в общем-то...». По ее тогдашним ощущениям, нахождение в палатке одновременно 6–7 чел. больших неудобств не причиняло, а отсутствие в общепринятом смысле этого слова личного пространства заменялось наличием матраса, который «был у каждого своим» [42].

Вместе с ними в жизнь фронтовиков и эвакуированного населения входил и национальный жилищный колорит. Н.Ф. Резникова, оказавшаяся с медсанбатом в Северной Осетии, в одном из горных аулов впервые увидела саклю: «Сейчас точно не помню или в ауле Дунте, или в Камунте я явилась и увидела первый раз саклю. Это удивительное сооружение. Это как-то земля, земля, земля, вот очаг, и вверху дыра и вот туда дым

поднимается. А там и тепло, и светло, и все нормально оказалось в этой сакле». При этом ее больше всего удивила не сама сакля как непривычный для русского человека тип жилища, а ее естественное освещение: «Вообще-то мы подсвечивались из снарядов артиллерийских, готовили гильзы уже свободные и делали светильники для раненых» [43]. Аулы Южного Казахстана встретили эвакуированных домами-кибитками: «Им там приготовили дома, по-ихнему это дома-кибитки. У них дома, как у мусульман, одна сторона улицы – окна выходят, а другая сторона улицы – задняя часть, т.е. дома на восток расположены... Вот две бабушкины сестры – каждая получила по домику, по кибитке, и мы въехали в одну такую кибитку. Значит, сени, там заком, и в закоме пшеница. Ее возят на мельницу, пекут пышки, хлеб. И одна большая комната с мазаными полами, низкая. Никакой мебели. Печка, замазан казан чугунный в печку, и в этом казане варят пищу» [44].

Именно в эти годы советский человек приобрел опыт «жилищной мобильности». Оккупация, делавшая далеко небезопасной жизнь вблизи месторасположения противника, и массовые разрушения жилищного фонда вынуждали его либо перебиваться в относительно спокойные районы, либо эвакуироваться за пределы «насиженных мест». Одна из респонденток, жительница Ростова-на-Дону, чья семья подпадала под «решение еврейского вопроса», рассказывала о том, как приходилось три или четыре раза менять пристанище. В 1942 г. она с семьей оказалась у родственников, эвакуировавшихся в Ташкент: «А еще в войну, это было, сейчас скажу Вам, когда первые немцы ушли, уже подходило где-то к 1942 г., лето или зима – это я точно не помню, пришла тетя Маруся, папина сестра. Вот, она пришла и говорит, маму мою звали Елизавета Ивановна: “Лизочка, ты с детьми?”. А мы жили уже на Донской, в 51 номере. Ее окна выходили к нам во двор, на Донскую. И она маме говорит: “Ты детей забирай, потому что мы эвакуируемся, Иося получил назначение там, в Ташкент”. Короче, они уезжают: “Только ты, пожалуйста, мебель сохрани и стаканы тонкие, чтоб не побились...”». Вторую оккупацию города, когда «уже взялись за евреев», они пережили «на “Сельмаше” и в квартире на Книжной... Вот, немцы ушли, и мама – каким путем она получила эту квартиру, я не знаю. Вот, а она, значит, когда открылась мебельная фабрика на [улице] Донской – это недалеко от [улицы] Подбельского, между Подбельского и Семашко, и вот она, может, оттуда, может, как, я не знаю, каким путем, короче, мы поселились в этом 51 номере. Нет, это после войны, а тетя Маруся – мы жили в 56 у нее, пока она не вернулась из эвакуации, после вторых немцев, а потом мы уже переселились с этой квартиры, там полуподвальное помещение было, где мы жили в 51, на Донскую, тоже здесь, только напротив. У меня даже есть фотография возле нашего дома. Война закончилась, мы уже жили в 44 номере, и отсюда я замуж вышла» [45].

Мириам Филипповна Гольдфарб, пережившая первую оккупацию в Ростове-на-Дону, отмечала, что в то время «у людей принято было кучковаться», самоуплотниться: «Просто, скажем, живут в Нахичевани, боятся бомбежки. Вечером с чемоданами едут в центр города к кому-то из родственников. А из города едут в Нахичевань с чемоданами. Люди метались, хотели спастись от бомбежки. Кроме этого, город прифронтовой, боялись все. Надо эвакуироваться. Если оставаться – что [делать]? И люди объединялись, родственники сходились где-то в одной квартире. Поэтому в нашей квартире жили: я и мама, папа, но о папе особая речь, мамина сестра с двумя маленькими детьми и ее муж. Дети: одному был год, а другому 4 года и бабушка» [46]. Вместе с опытом освоения нового жилого пространства в жизнь входили и непривычные жилые постройки. Так, вспоминая Рыбинск, где семья оказалась в эвакуации, Анна Исааковна Баляшина говорила о впервые увиденных высотных домах: «Потому что получилось так, что в 1936 г. немцы построили там авиационный завод, и там был организован просто городок, где стояли вот так вот перпендикулярно к проспекту, на котором они находились, дома. Причем там стояли тогда девятиэтажки, которые для нас – это было такое событие. Потому что там, в основном, мало кирпичных зданий, а то все деревянные здания и все одноэтажные, максимум двухэтажные. Вот и они там, вот эти три дома. Значит, там заселили всех, которые у них работали и их семьи» [47].

По преимуществу коммунальный быт того времени неизбежно сталкивал советского человека с людьми, жившими по соседству. Фигура соседа, ставшая карикатурно-зловещей благодаря длительно просуществовавшему в нашей стране коммунальному быту, в воспоминаниях людей, переживших войну, выглядит не столь однозначно негативной. Многие респонденты с большой теплотой и благодарностью вспоминали своих соседей:

«А потом поменяла эту комнату в общежитии на комнату, но эта была не коммунальная квартира. Это был дом такой, наверное, жактовский, как тогда говорили, но это был небольшой бревенчатый дом. Это в Сибири было. Но он вот тоже, во всяком случае, наше крыло было поделено между двумя семьями, у меня комнатка и у соседей две комнатки. Мы год прожили вместе, что называется душа в душу. Как-то и я, они пожилые две женщины, я им старалась помочь, ну, очень приятная была соседка, мать ее, может быть, не очень приятная, но она старая была, что там, только помочь ей можно было. А наоборот, когда я заболела, у меня возникли затруднения, соседка нам помогала. Так и прожили...» [48].

Теснота и плотность жилищных условий лишали советского человека элементарной возможности на уединение. Его жизнь протекала на виду большого количества людей, которые с течением времени и укоренившейся «привычки к коллективному» уже не казались ему посторонними. При этом вовлеченность в пространство чужой жизни зачастую происходила «исподволь», навязываясь не столько общностью проживания, сколько неизбежностью коммуникативного соприкосновения: «А, вот Вам хочу сказать, что вот, например, вот эта наша одинокая армянка, царствие ей небесное, как говорится, у нее какие-то, она была одинокой женщиной, были какие-то личные, интимные истории. И вот наши соседи во дворе: “Маша, Маша, вон там Сирануш пошла”. И они бежали за ней по улице. Они бежали за ней по улице, посмотреть, с кем и куда пошла. Вот это я говорю, люди со двора громадного дома. А она жила у нас за спиной, и мы никогда ничем этим не интересовались. Нет, ну, что-то, какие-то обрывки невольно, когда живешь так тесно, долетали. Ну, как долетали, так и улетали. И мы скорее от кумушек на лавочке знали об ее личной жизни, чем из наших личных наблюдений» [49].

Вместе с тем, перипетии жилищной политики, сопровождавшиеся частыми уплотнениями обладателей избыточных площадей, приводили к соседству представителей различных социальных слоев. Такая ситуация не могла не сказываться на характере отношений между жильцами: «Значит, в этой половине жила очередная пролетарка... В эту квартиру деда с бабкой заселились люди, в общем, это была уже коммуналка. И в коммуналке уже были разные отношения очень. Вот эта, вот которая жила в квартире внизу, которая шла с лестницы, тоже Мара такая, с характером, она все еще хотела навести порядок в господской части, если так выразиться, говорила: “Не закрывайте двери!”. В ту часть вела дверь, которая с этой стороны закрывалась, прислуга не могла прийти, если ее не звали, чего ходить. Так она все требовала, что бы мы эту дверь не смели закрывать, а там был такой крючок большой. Ну, вообще в силу дедовской громадной интеллигентности, бабушка ссорилась, шумела, а дед это дело утихомиривал» [50].

Не способствовали хорошим соседским отношениям и широко распространившиеся во время оккупации факты самопроизвольного вселения в квартиры ушедших на фронт, эвакуированных и захвата их имущества: «Кончилась война, я приехала, одна девочка, поступать в университет, квартира наша занята. Я пошла на Ворошиловский [проспект] смотреть, а там магазины, парикмахерская. У нас был первый этаж, и нашей квартиры вообще нет. У нас была очень большая площадь, прекрасная квартира, нас было 6 человек, еще бабушка, а так мы остались в этой коммуналке [на Станиславского]. Я пошла к себе домой, открывает дверь какой-то дядька. Я говорю: “Вы извините, это вообще наша квартира, но я понимаю, что Вы тут живете. Но я приехала одна, отец мой еще на фронте. Можно мне переночевать? А то у меня завтра первый экзамен”. Он меня повернул спиной, дал мне толчка, вот так, как говорится, под зад коленом, и я очутилась на веранде, и все» [51]. «Вот я приехала домой, там живут чужие люди. Я говорю: “А где наши стулья хотя бы или что там...”. Вот мне даже Клара Борисовна говорит, вот те забирали ваш диван, у этих это, ваш стол находится вот в том учреждении. Она мне все говорила, где что. Я пошла, нашла этот стол большой, там тем более вырезки Вика, Женя, Валя, Лера. “Иди девочка, как пришла, так и иди отсюда”» [52]. Нередко подобные ситуации разрешались «по закону» и вспоминались «без особой обиды и зла»: «Мы там прожили до войны и когда возвратились, то в нашей квартире жили две семьи. Но папа пошел в военкомат, и одну семью сразу переселили. А там одна комнатка еще была, когда заходили – большая комната, и прямо туда была комната небольшая, там оставалась пара – муж, жена. Еще какое-то время мы с ними жили, а потом и они ушли, и мы опять вернулись полностью в свою квартиру» [53].

В целом же, несмотря на отдельные эксцессы и возникающее непонимание, у подавляющего большинства респондентов о соседях остались самые теплые воспоминания, жизнь с которыми приучала к взаимовыручке и самоотдаче: «Очень хорошо, очень тепло. До войны у бабушки и у дедушки в этой квартире, во-первых, были хозяева дома, которых уплотнили и хотели выкинуть из дома, потому что они хозяева. Дедушка их защитил, доказал, что они не буржуи. Что он был банковский служащий и приобрел недвижимость. Понимаете? Другие еще были люди. Ну, были, как свои, теплые отношения. В “Новом быту” у всех изолированные квартиры, но все были в добрых отношениях. Я не помню негатива, может, он где-то и был между людьми. В той среде, где я сталкивалась, не было. Я не идеализирую, просто так случилось» [54]. «Вот так жили! Все, не взирая, армян, грузин или кто там, еврей – все вот так жили дружно, друг другу помогали всегда. Вот мать, нас четверо было, работала там, вот эту кашу принесет... [Соседям раздает]. На 14-ю [линию] отдавала, вот этой в 29-м [доме] многосемейная, одна девка сейчас осталась живая, а то все поумирали, им отдавали и нам отдавала: “Я вам еще принесу, а им никто не принесет”. Вот так обращение. Мать родная говорила нам: “Я вам дала, завтра еще принесу, а им кто принесет?”». Именно этого чувства «локтя» многих из них не хватает в сегодняшней жизни, которой «откровенно говоря, сейчас нет» [55].

Выводы. Характер и особенности воспоминаний участников Великой Отечественной войны о доме и семье свидетельствуют о том, что они оставались наиболее значимыми локусами их частной жизни. Жизни, большая часть которой протекала в условиях, лишенных даже намека на возможность уединения или укрытия от бдительного ока соседей. Дом для советского человека оставался не только его крепостью, но и пространством роевой жизни, где как в классическом театре поступки сопрягались с каноническим текстом, нарушение последовательности которого выправлялось суфлером. Частая смена мест проживания, по сути, не менявшая образа жизни и ставшего привычным многолюдного окружения, превращала его в некую декорацию, неизменной частью которой оставалась только семья. Жилищная политика советской власти и чрезвычайные обстоятельства жизни в условиях военного времени расширили границы последней, включив в ее состав людей, деливших с ней один кров.

Примечания:

1. Галустян В. Мой Нахичеван. Таганрог, 2011. С. 5.
2. Миркин М. От Черей до Чикаго. Иерусалим, 2013. С. 23.
3. Респондент: Баляшина Анна Исааковна, 1925 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 83 минуты. Запись 19 июня 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
4. Респондент: Шепеленко Нина Павловна, 1930 г.р. Интервьюер: Курбат Т.Г. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись 15 октября 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
5. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
6. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
7. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут. Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
8. Респондент: Агарков Анатолий Константинович, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 127 минут. Запись 14 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
9. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
10. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
11. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
12. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

13. Респондент: Акимов Алексей Федорович, 1913 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 17 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
14. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
15. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
16. Миркин М. Указ. соч. С. 22.
17. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 77 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
18. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
19. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
20. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.
21. Респондент: Калабухова Инна Николаевна.
22. Девочка и война. URL:<http://www.krestianin.ru/articles/18215.php> (дата обращения: 25 октября 2012 г.).
23. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... Повести. Ростов н/Д., 2006; ее же. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008.
24. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... С. 3.
25. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 9.
26. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 97–98.
27. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 99.
28. Респондент: Агарков Анатолий Константинович.
29. Миркин М. Указ. соч. С. 23.
30. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
31. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
32. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна, 1932 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 67 минут. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
33. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 100, 102.
34. Респондент: Семина Виктория Николаевна.
35. Респондент: Семина Виктория Николаевна.
36. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
37. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
38. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
39. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
40. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
41. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
42. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
43. Респондент: Резникова Надежда Федоровна, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Майкоп, квартира респондента. Продолжительность минут 120 минут. Запись 10 января 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
44. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
45. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.
46. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
47. Респондент: Баляшина Анна Исааковна.
48. Респондент: Калабухова Инна Николаевна.
49. Респондент: Калабухова Инна Николаевна.
50. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.

51. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

52. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

53. Респондент: Баляшина Анна Исааковна.

54. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

55. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

References:

1. Galustyan V. *Moi Nakhichevan*. Taganrog, 2011. S. 5.
2. Mirkin M. *Ot Cherei do Chikago*. Ierusalim, 2013. S. 23.
3. Respondent: Balyashina Anna Isaakovna, 1925 g.r. Interv'yuer: T.G. Kurbat. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 83 minuty. Zapis' 19 iyunya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
4. Respondent: Shepelenko Nina Pavlovna, 1930 g.r. Interv'yuer: Kurbat T.G. Mesto provedeniya: Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 50 minut. Zapis' 15 oktyabrya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
5. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
6. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna, 1925 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 105 minut. Zapis' 7 marta 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
7. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna, 1929 g.r. Interv'yuary: T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost': 50 minut Zapis' 4 aprelya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
8. Respondent: Agarkov Anatolii Konstantinovich, 1933 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 127 minut. Zapis' 14 aprelya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
9. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
10. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
11. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna.
12. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
13. Respondent: Akimov Aleksei Fedorovich, 1913 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 125 minut. Zapis' 17 aprelya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
14. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna, 1926 g.r. Interv'yuary: T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 80 minut. Zapis' 16 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
15. Respondent: Kovalenko Zoya Grigor'evna, 1926 g.r. Interv'yuer: E.F. Krinko. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 123 minuty. Zapis' 20 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
16. Mirkin M. *Ukaz. soch.* S. 22.
17. Respondent: Zhugan Nikolai Pavlovich, 1917 g.r. Interv'yuer: I.G. Tazhidinova. Mesto provedeniya: g. Krasnodar, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost': 77 minut. Zapis' 25 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
18. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
19. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
20. Respondent: Rozenblit Evelina Evgen'evna.
21. Respondent: Kalabukhova Inna Nikolaevna.
22. *Devochka i voina*. URL:<http://www.krestianin.ru/articles/18215.php> (data obrashcheniya: 25 oktyabrya 2012 g.).
23. Kalabukhova I.N. *Gde moi trinadtsat' let?»... Povesti*. Rostov n/D., 2006; ee zhe. *V proshchan'i i v proshchen'i*. M., 2008.

24. Kalabukhova I.N. Gde moi trinadtsat' let?»... S. 3.
25. Kalabukhova N.I. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 9.
26. Kalabukhova N.I. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 97–98.
27. Kalabukhova N.I. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 99.
28. Respondent: Agarkov Anatolii Konstantinovich.
29. Mirkin M. Ukaz. soch. S. 23.
30. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna.
31. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
32. Respondent: Yamshchikova Lidiya Vladimirovna, 1932 g.r. Interv'yuary: T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost': 67 minut. Zapis' 14 maya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
33. Kalabukhova I.N. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 100, 102.
34. Respondent: Semina Viktoriya Nikolaevna.
35. Respondent: Semina Viktoriya Nikolaevna.
36. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
37. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
38. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
39. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
40. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
41. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
42. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna.
43. Respondent: Reznikova Nadezhda Fedorovna, 1921 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Maikop, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' minut 120 minut. Zapis' 10 yanvarya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
44. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
45. Respondent: Yamshchikova Lidiya Vladimirovna.
46. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
47. Respondent: Balyashina Anna Isaakovna.
48. Respondent: Kalabukhova Inna Nikolaevna.
49. Respondent: Kalabukhova Inna Nikolaevna.
50. Respondent: Rozenblit Evelina Evgen'evna.
51. Respondent: Tikhomirova Valeriya Aleksandrovna, 1925 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 130 minut. Zapis' 22 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
52. Respondent: Tikhomirova Valeriya Aleksandrovna, 1925 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 130 minut. Zapis' 22 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
53. Respondent: Balyashina Anna Isaakovna.
54. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
55. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.

УДК 94(47).084.3

**«Дом был не просто местом, где мы жили»:
опыт освоения жилого пространства участниками
Великой Отечественной войны**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт освоения жилого пространства участниками Великой Отечественной войны. Отмечаются особенности и наиболее характерные для того периода времени практики обживания различных помещений, становившихся временным и постоянным жильем. Рассматриваются внутренняя морфология организации различных типов жилья, их протяженность, людность, предоставляемые ими возможности для уединения. Подчеркивается, что в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны жилое пространство предстает в двух основных образах – места, где человек жил до войны, и места, которое стало для него убежищем во время войны. Практически во всех проанализированных меморатах война выступает тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшает жилищные условия населения, но и значительно повышает их довоенный статус.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; устные свидетельства; жилищная политика; жилое пространство; жилье; респонденты